

ЭРАЗМ
РОТТЕРДАМСКИЙ
ПОХВАЛА
ГЛУПОСТИ



МОСКВА
2017

САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ АФОРИЗМЫ
ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО

*Человек должен любоваться самим собой:
лишь понравившись самому себе,
сумеет он понравиться и другим.*

*Считай убытком лишь то,
что столько раз уводит тебя
от благочестия и умножает пороки.*

*Напротив, рассудителен тот,
кто, будучи смертным,
не стремится быть мудрее,
чем это подобает смертному,
кто снисходительно смотрит на толпу
и вежливо заблуждается заодно с ней.*

*Счастье состоит главным образом в том,
чтобы мириться со своей судьбой
и быть довольным
своим положением.*

САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ АФОРИЗМЫ
ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО

Жить достойно не возбраняется никому.

Моя родина там, где моя библиотека.

*Хорошие книги делают людей,
философия создает более чем людей,
богословие создает богов.*

*Поверить, что люди,
постоянно занятые бесплодными
раздорами и войнами, наделены разумом,
может только тот, кто привык
к этим действиям настолько,
что перестал им удивляться
и видеть всю их пагубность.*

*Даруй свет,
и тьма исчезнет сама собой.*

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

«Похвала глупости» — почему? Название, больше похожее на шутку или парадокс, сверх того, по задумке самого автора — безделка, импровизация, игра. Это произведение было написано знаменитым европейским гуманистом *Эразмом Роттердамским* (1469—1536) более пятисот лет назад, в 1508 году, в Лондоне, в доме не менее известного философа и политического деятеля Томаса Мора. Создано, что называется, на одном дыхании. Увидела свет «Похвала глупости» только через два года, в Париже, а затем были сотни изданий на всех языках мира.

Эразм умел писать так, что даже нелестные упоминания о тех или иных сословиях не выглядели оскорбительными; если всем доставалось, то и никто не мог считать себя особенно обиженным. Читает человек и думает: может, не все люди достойны своего звания, но каждый может быть человеком.

Прошли столетия и стало ясно, что «Похвала Глупости» — это Книга с большой буквы, текст на все времена, нравы, политические ситуации и философские тенденции. Она и теперь не утратила своего значения, ибо остается хорошей прививкой против идеологической нетерпимости, которая нередко проистекает от одностороннего засилья ума; а глупость в чем-то более природно-жизненна и потому в чем-то мудрее (Дмитрий Быков).

Глупость, которая убедительно доказывает свое превосходство, свою власть над всеми сторонами жизни — это неправильно, невозможно, просто глупо... Однако в том-то и заключается главное достоинство великой книги — она дает ответы на многие важнейшие вопросы и в то же время заставляет читателя думать, работать, изыскивая между шуткой и серьезными размышлениями такую необходимую и желанную собственную истину...

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

*Эразм Роттердамский
своему милому Томасу Мору
посылает привет*

В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, тратилось в пустых разговорах, чуждых музам и литературе, предпочел я либо размышлять о совместных наших ученых занятиях, либо наслаждаться мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: отсутствующий, я не менее наслаждался при помощи памяти, нежели, бывало, присутствующий, наслаждался общением с тобой, которое, клянусь, слаще всего, что мне случалось отведать в жизни.

Итак, я решил сочинить нечто, а поскольку время не благоприятствовало предметам важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости. «Какая Паллада внушила тебе эту мысль?» — спросишь ты. Во-первых, подстрекнуло меня к тому родовое имя Мора, столь же близкое к слову *Мория*¹, сколь сам ты далек от ее существа, ибо, по общему приговору, ты от нее всех дальше. Засим мне казалось, что эта игра ума моего тебе особенно должна прийтись по вкусу, потому что ты всегда любил шутки в этом роде — иначе говоря, ученые и не чуждые соли (ежели только не заблуждаюсь я в оценке собственного моего творения) — и не прочь был разыгрывать порой Демокрита, глядя на повседневную жизнь смертных. Хотя по исключительной прозорливости ума ты отстоишь далеко от грубой толпы, зато благодаря необычайной лег-

¹ *Мория* — глупость (лат. *Moriae*). Эразм таким образом обыгрывает фамилию своего друга.

кости и кротости нрава можешь и любишь снисходить до общего уровня и разыгрывать порой самого заурядного человека. Итак, ты не только благосклонно примешь это мое ораторское упражненьице, эту *памятку* о твоём товарище, но и возьмешь ее под свою защиту; отныне, тебе посвященная, она уже твоя, не моя.

Найдутся, быть может, такие хулители, которые станут распространять клевету, будто легкие эти шутки неприличны теологу и слишком язвительны для христианского смирения; быть может, даже обвинят меня в том, что я воскрешаю древнюю комедию или, по примеру Лукиана, подвергаю осмеянию всех и каждого. Но пусть те, кого возмущает легкость предмета и шутливость изложения, вспомнят, что я лишь последовал примеру многих изрядных писателей. Сколько веков тому назад Гомер воспел *Батрахомиомахию*¹, Марон — комара и выеденное яйцо, Овидий — орех? Поликрат написал похвальное слово Бусириду, исправленное Исократом, Главк восхвалял неправосудие, Фаворин — Терсита и перемежающуюся лихорадку, Синезий — лысину, Лукиан — муху и блоху, Сенека сочинил шутливый апофеоз Клавдия, Плутарх — диалог Грилла с Улиссом, Лукиан и Апулей — похождения осла и, уже не помню кто, — завещание свиньи по имени Грунния Короткотта, о чем упоминает св. Иероним.

Ежели всего этого мало, то пусть вообразят строгие мои судьи, что мне пришла охота поиграть в бирюльки или поехать верхом на длинной хворостине. *Ибо, разрешая игры людям всякого звания, справедливо ли отказывать в них ученому, особенно ежели он так трактует забавные предме-*

¹ «*Батрахомиомахия*» (соединение др.-греческих слов, означающих «лягушка», «мышь», «борьба») — написанная гекзаметром древнегреческая пародийная поэма о войне мышей и лягушек. Во времена Эразма приписывалась Гомеру.

Демокрит Абдерский (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, один из основателей атомистики и материалистической философии. Древние называли его «смеющимся философом».

Лукиан из Самосаты (ок. 120 — после 180) — древнегреческий писатель, который в своих произведениях высмеивал общественные, религиозные и философские предрассудки, а также другие пороки современного ему общества.

Среди приписываемых великому римскому поэту *Публию Вергилию Марону* (чаще просто Вергилий; 70—19 до н. э.) стихотворений есть две маленькие шуточные поэмы, на которые и намекает автор.

Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17/18 н. э.) — знаменитый древнеримский поэт, более всего известен как автор поэм «Метаморфозы» и «Наука любви», а также элегий.

Исократ (436—338 до н. э.) — знаменитый афинский ритор. В речи «Бусирид» он исправляет сочинение софиста *Поликрата*, восхвалявшего легендарного египетского царя *Бусирида*, который приносил в жертву богам всех прибывавших в Египет чужеземцев.

Фаворин Арелатский — греческий ритор и философ (II в. н. э.). *Терсит* — ахейский воин, изображенный в «Илиаде» безобразным, дерзким и злым.

Синезий (Синесий; 370/375—413/414) — христианский богослов, философ-неоплатоник, представитель Александрийской школы неоплатонизма. Среди его произведений есть шутивное «Похвальное слово плещи».

Луций Анней Сенека (4 до н. э. — 65 н. э.) — древнеримский философ-стоик, поэт и государственный деятель. Эразм имеет в виду его сатиру «Отыквление», написанную на смерть императора Клавдия.

В одном из своих сочинений знаменитый древнегреческий писатель и философ *Плутарх* (ок. 46 — 126 н. э.) описывает *Грилла* — спутника Одиссея, превращенного волшебницей Цирцеей в свинью. Грилл, предпочитая оставаться в этом состоянии, убеждает Одиссея в преимуществах четвероногих над двуногими.

Апулей (124/125—?) — древнеримский писатель и поэт, философ-платоник, ритор. Его роман «Метаморфозы» («Золотой осел») рассказывает о приключениях юноши, превратившегося в осла, и по основной сюжетной схеме близок к приписываемой Лукиану повести «Лукий, или Осел».

Софроний Евсевий Иероним (ок. 342—419/420) — церковный писатель, аскет, создатель канонического латинского текста Библии.

ты, что читатель, вовсе не бестолковый, извлечет отсюда более пользы, чем из иного педантического и напыщенного рассуждения?

Вот один в терпеливо состряпанной речи прославляет риторiku и философию, вот другой слагает хвалы какому-нибудь государю, вот третий побуждает к войне с турками. Иной предсказывает будущее, иной поднимает новые вопросы о выеденном яйце. Ежели ничего нет нелепее, как трактовать важные предметы на вздорный лад, то ничего нет забавнее, как трактовать чушь таким способом, чтобы она отнюдь не казалась чушью.

Конечно, пусть судят меня другие, однако ежели не вконец обольстила меня *Филавтия*¹, то сдается мне, что я восхвалил Глупость не совсем глупо. Что же касается вздорного упрека в излишней резкости, то отвечаю, что *всегда дозволено было безнаказанно насмехаться над повседневной человеческой жизнью, лишь бы эта вольность не переходила в неистовство.*

Весьма дивлюсь я нежности современных ушей, которые, кажется, ничего не выносят, кроме торжественных титулов. Немало также увидишь в наш век таких богомоллов, которые скорее стерпят тягчайшую хулу на Христа, нежели легчайшую шутку насчет папы или государя, особливо *когда речь зайдет о хлебе насущном.* Но ежели кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещание? Иначе сколь часто укоризны мои обращались бы против меня самого. *Кто не щадит ни одного звания и сословия в роде людском, тот ясно показывает, что не против отдельных лиц, а только против пороков он ополчился.*

¹ *Филавтия* — самолюбие (греч.).

Итак, ежели кто теперь завопит, жалуясь на личную обиду, то лишь выкажет тем свою боязнь и нечистую совесть. Насколько вольнее и язвительнее писал св. Иероним, не щадивший и имен порой! Я же не только избегал повсеместно имен собственных, но, сверх того, старался умерить всячески слог, дабы разумному читателю сразу понятно было, что я стремлюсь более к смеху, нежели к поношению. Я не хотел по примеру Ювенала¹ ворошить сточную яму тайных пороков и охотнее выставлял напоказ смешное, нежели гнусное.

Того, кто не удовлетворится всем сказанным, прошу вспомнить для самоутешения, что весьма почтенно бывает служить жертвой нападок Глупости, от лица которой я держу речь. Впрочем, стоит ли говорить все это такому искусному адвокату², как ты, — и без того ты сумеешь отстоять наилучшим способом даже и не столь правое дело. Прощай, ученейший Мор, и Морию твою защищай всеусердно.

Писано в деревне, 10 июня 1508 г.

¹ Децим Юний Ювенал (I—II вв. н. э.) — древнеримский поэт-сатирик, порицавший римские нравы императорской эпохи.

² Томас Мор получил юридическое образование и начинал свою карьеру как адвокат.

ГЛУПОСТЬ ГОВОРИТ

Глава I

ГЛУПОСТЬ ОДИНМ СВОИМ ВИДОМ РАЗГОНЯЕТ ЗАБОТЫ СЛУШАТЕЛЕЙ

Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, ибо мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, все же дерзаю я утверждать, что единственное мое божественное присутствие веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство перед вами: едва взошла я на кафедру в настоящем многолюдном собрании, как все лица просияли новым и непривычным весельем, все головы наклонились вперед и повсеместно раздался приятный, ликующий смех.

При взгляде на вас кажется мне, будто я вижу богов Гомеровых, охмелевших от нектара, настоящего на непенте¹, тогда как доселе вы восседали печальные и озабоченные, словно воротились недавно из Трофониевой пещеры². Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. *В то время как другие великие риторы лишь при помощи длинной, старательно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу единым моим появлением.*

¹ Непента — растение, которое усиливает опьяняющее действие.

² Трофониева пещера — оракул Зевса в Беотии. Его подземное прорицание вызывало наибольший страх и священный трепет.

Глава II

СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ

Чего ради выступаю я сегодня в непривычном мне обличье, о том узнаете, ежели будете слушать внимательно, не как церковных проповедников, но как рыночных скоморохов, шутов и фигляров или так, как наш друг Мидас слушал некогда Пана. Ибо захотелось мне появиться перед вами в звании софиста, впрочем отнюдь не одного из тех, которые вколачивают в головы мальчишкам вредную чушь и научают их препираться с более чем бабьим упорством.

Нет, я хочу подражать тем древним грекам, которые, избегая позорной клички мудрецов, предпочли назваться софистами. Их тщанием слагались хвалы богам и великим мужам. И вы тоже услышите сегодня похвальное слово, но не Гераклу и не Солону¹, а мне самой, иначе говоря — Глупости.

¹ *Солон* (640/635 — ок. 559 до н. э.) — древнегреческий политический деятель, законодатель и поэт, один из семи мудрецов Древней Греции.

Глава III

ПОЧЕМУ ОНА САМА СЕБЯ ХВАЛИТ

Воистину, не забочусь я нисколько о тех любомудрах, которые провозглашают дерзновеннейшим глупцом всякого, кто изрекает хвалы самому себе. Пусть называют они его дураком, если угодно. Кому, как не Глупости, подобает явиться трубачом *собственной славы*? Кто может лучше изобразить меня, нежели я сама? Разве тот, кому я известна ближе, нежели себе самой?

Сверх того, действуя таким образом, я почитаю себя скромнее большинства великих и мудрых мира сего. Удерживаемые ложным стыдом, они не решаются сами восхвалять себя, но вместо того нанимают какого-нибудь продажного риторика или поэта-пустозвона, из чьих уст выслушивают похвалу, иначе говоря — ложь несусветную.

Наш смиренник распускает хвост павлиньим обычаем, задирает хохол, а тем временем бесстыжий льстец приравнивает этого ничтожного человечка к богам, выставляет его образцом всех доблестей, до которых тому, *как до звезды небесной, далеко*, украшает ворону павлиньими перьями, *пытается выбелить эфиопа и из мухи делает слона*.

Не знаю, чему дивиться — лености или неблагодарности смертных. Ибо, хотя все они меня усердно чтут и охотно пользуются моими благодеяниями, никто, однако, не удосужился воздать в благодарственной речи похвалу Глупости, тогда как никогда не было недостатка в охотниках сочинять, не жалея лампового масла и жертвуя сном, напыщенные славословия Бусиридам, Фаларидам, перемежающимся лихорадкам, мухам, лысынам и тому подобным напастям. От меня же вы услышите не подготовленную заранее и не обработанную, но зато тем более правдивую речь.

Глава IV

ПОЧЕМУ ГОВОРIT БЕЗ ПОДГОТОВКИ

Не хочется мне, чтобы вы заподозрили меня в желании блеснуть остроумием по примеру большинства ораторов. Ибо ведь одно дело известное, когда читают речь, над которой трудились лет тридцать, а иногда так и вовсе чужую, то дают понять, будто сочинили ее между прочим, шутки ради, в три дня, или просто продиктовали невзначай.

Мне же всегда приятнее всего было говорить то, что *придет на язык*. И да не ждет никто, чтобы я по примеру тех же заурядных риторов предлагала вам здесь точные определения, а тем более разделения. Ибо как ограничивать определениями ту, чья божественная сила простирается в такую ширь, или разделять ту, в служении которой объединился весь человеческий род? Зачем выставлять напоказ тень мою или прообраз, когда вот я сама стою здесь воочию перед вами, щедрая подательница всяческих благ, которую латиняне зовут *Стультицией*, а греки *Морией*.

Глава V

ГЛУПОСТЬ НЕМЕДЛЕННО САМА СЕБЯ ВЫДАЕТ

Но есть ли какая-либо нужда говорить об этом? Разве чело мое и лик не довольно свидетельствуют о том, кто я такая? Ежели бы кто даже решился выдать меня за Минерву или за Софию, мое лицо — правдивое зеркало души — опровергло бы его без долгих речей.

Нет во мне никакого притворства, и не изображаю я на челе того, чего нет у меня в груди. Всегда и всюду я неизменна, так что не могут скрыть меня даже те, кто пытается присвоить себе личину и титул мудрости, кто разыгрывает обезьян в пурпуре и ослов в львиной шкуре.

Пусть притворствуют как угодно: торчащие ушки все равно выдадут Мидаса. Неблагодарна, клянусь Гераклом, та порода людей, которая всего теснее связана с моей партией, а между тем при народе так стыдится моего имени, что даже попрекает им своих ближних, словно бранной кличкой. Эти глупейшие из глупцов хотят прослыть мудрецами и Фалесами¹, но можно ли назвать их иначе, как *морософами*².

¹ *Фалес* (640/624—548/545 до н. э.) — древнегреческий философ и математик из Милета (Малая Азия). Традиционно считается основоположником греческой философии и потому его имя неизменно открывало список семи мудрецов, заложивших основы греческой культуры и государственности.

² *Морософы* — «глупомудрецы».

Глава VI

ПОДРАЖАНИЕ РИТОРАМ

Тут я действительно хочу подражать риторам нашего времени, которые считают себя уподобившимися богам, если им удастся прослыть двуязычными¹, и которые полагают верхом изящества пересыпать латинские речи греческими словечками, хотя бы в данном случае это было совсем неуместно. Если же не хватает им этой экзотики, они извлекают из полуистлевших грамот несколько устарелых речений, которыми напускают мрак на читателя.

Кто понимает их, тот тешится самодовольствием; кто не понимает, тот тем более дивится их учености. Ибо для нашей братии весьма приятно бывает восхищаться всем иноземным. А ежели попадутся среди невежественных слушателей люди самолюбивые, они смеются, рукоплещут и потряхивают ушами ослиным обычаем, дабы другие могли считать их сведущими.

Теперь возвращаюсь к главному предмету моей речи.

¹ Т. е. знающими греческий и латынь.